

УДК 82

**РОМАН В.С. СОЛОВЬЕВА «КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ»:
СООТНОШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ
И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА**

© 2010 г.

Е.В. Никольский

Московский госуниверситет геодезии и картографии

eugenius-08@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.04.2010

Рассмотрен малоизвестный роман Всеволода Соловьева (1849–1903) «Княжна Острожская», проанализировано соотношение документального исторического материала и художественного вымысла, выявлена «вольность» писателя при художественной переработке исторических материалов.

Ключевые слова: исторический роман, правда и вымысел, XVI век, князя Острожские, Западная Русь, Польша, православие, католичество, художественная интрига, авантюрный роман.

В середине 70-х годов XIX века молодой литератор, сын известного историка Всеволод Сергеевич Соловьев получает доступ в среду профессиональных писателей. В это время он становится сотрудником «Нивы», на страницах этого журнала в 1876 году выходит его первый исторический роман «Княжна Острожская», который молодому литератору принес всероссийскую известность¹.

Выбранная писателем основополагающая историческая концепция обусловила жанровое своеобразие большей части его произведений, поскольку отличалась от концепции историков «государственной» школы, которая главное внимание уделяла «правительственным» лицам. Изображение истории через «семейственные предания» – художественный принцип, введенный в обиход А.С. Пушкиным и через взаимодействие с художественной системой Л.Н. Толстого получивший элемент хроникальности, исторического «размаха», – делает историческую романистику Вс. Соловьёва интересной современному читателю.

В одном из своих произведений Всеволод Соловьев объяснял свое стремление художественно воскресить личности малоизвестные и не оставившие значительного следа в истории, тем, что иногда явление само по себе незначительное «производило впечатление несравненно сильнейшее и продолжительнейшее, чем явление действительно крупное, имевшее многие последствия <...> чистых и светлых образов вырастает немало – и в интересах развития Души человеческой следует сохранить о них воспоминания» [1, с. 360].

Такой подход автор применил и к роману «Княжна Острожская», посвященному драматической истории любви прекрасной Гальшки, племянницы национального героя Украины и святого православной церкви, князя Константина Константиновича Острожского.

Вс. Соловьев привнес в свое творение вымышленные детали и позволил себе значительно исказить документальные факты. Исследователям исторической прозы известен целый ряд анахронизмов и неточностей, допущенных различными историческими романистами, чтобы высветить главную проблему и акцентировать таким образом собственную позицию. А по мысли А.К. Толстого, художник слова имеет только одну обязанность: быть верным себе и создавать характеры так, чтобы они сами себе не противоречили; и человеческая правда – его закон и двигатель творчества, в то время как историческую правдой он не скован².

Для Всеволода Соловьева важным было не детальное воспроизведение особенностей быта и нравов Речи Посполитой (известных образованной публике по трудам Михаила Максимо-вича и митрополита Макария), а исследование трагических и драматических обстроятельств жизни тех людей, полнота счастья которых, ввиду их высокого положения и происхождения, оказалась призрачной. В первом своем произведении, желая осветить проблему религиозного фанатизма, автор значительно отошел от документального исторического материала, в чем его упрекали родственники, ставшие первыми читателями «Княжны Острожской».

В мемуарах племянника писателя, греко-католического священника о. Сергея Соловьева

есть высказывание о том, что С.М. Соловьев «...мало любил Всеволода... По поводу его исторических романов он говорил: «Я пишу историю, а сын мой ее искажает» [2, с. 63]. Соловьев-старший не одобрял выбора своего сына и в какой-то мере считал его эпигоном своего творчества.

Эти высказывания позволяют нам поставить вопрос о причинах неприятия историком-отцом романов своего сына. В связи с этим нам представляется необходимым решение вопроса о мере художественного вымысла в первом романе автора.

Действие романа происходит на Западной Руси, входившей тогда в состав Речи Посполитой, в середине XVI века, т.е. в эпоху, которая не была детально описана историками и не отразилась в художественных произведениях. Интерес к этой теме был, по-видимому, обусловлен польскими корнями писателя, происходившего по материнской линии из старинного рода дворян Бржеских, и неприятием (в отличие от брата и племянника) Всеволодом Соловьевым католичества, а также желанием создать произведение, обличающее римскую церковь. Позже писатель неоднократно высказывался в антикатолическом духе (однако подробный анализ его религиозно-философских воззрений не входит в задачи этой статьи).

Вс. Соловьев обратился к тому историческому периоду, когда процесс разделения восточнославянского суперэтноса на три нации (великорусскую, украинскую и белорусскую) еще не завершился. Польские власти каждого православного считали русским. Ведь Малороссия была колонизирована Польшей в период с конца XVI века до середины XVII века. Там не было ни униатов, ни католической шляхты. Это был конгломерат полунезависимых княжеств, управляемых православными магнатами – потомками Рюриковичей и Гедиминовичей, одним из таких феодальных полугосударств были владения князя Константина Острожского, героя анализируемого произведения. Выбранная Вс. Соловьевым эпоха была полна противоречий национально-конфессионального характера.

Изображение противоречий национально-конфессионального характера в романе «Княжна Острожская» сопряжено с ярким, запоминающимся сюжетом и мастерски созданной авантюрной интригой³. Кратко изложим фабулу этого произведения.

В «Княжне Острожской» описывается, как во время празднества по случаю Дня ангела Константина Острожского (то есть литургической памяти святого равноапостольного импе-

ратора Константина и его матери, царицы Елены) летом 1553 года молодой князь Дмитрий Сангушко впервые встретил и сразу же полюбил племянницу владельца замка, Гелену [Гальшку], которая ответила ему взаимным чувством. Хотя князь Константин и намерен выдать Гальшку⁴ за Сангушко, мать невесты Беата Острожская резко была настроена против этого брака. По совету своего духовника – иезуита Антонио Чекино, тайно влюбленного в ее дочь, княгиня обратилась за помощью к правительнице Речи Посполитой.

Как писал Всеволод Соловьев, «княгиня Беата, мать которой была приближенной и любимицей Сигизмунда Первого, росла вместе с Сигизмундом-Августом и пользовалась его дружбой. Он не иначе называл ее, как своей маленькой сестрой. Правда, вот уже несколько лет, как она с ним совсем не видалась, но он очень добр и ласков – он непременно должен принять участие в старом друге» [3, с. 81].

Влюбленные тайно покидают замок и венчаются. А тем временем Беата добилась от своего сводного брата-короля специального декрета, по которому ее будущий зять был объявлен вне закона [4, с. 87]. Через несколько дней новобрачных начинают преследователи. Гальшку насильно водворяют в дом ее матери, которая упорно добивается от нее перехода в католичество.

Князь Дмитрий, потеряв память, живет из милости в доме зажиточного полесского крестьянина. И лишь через два года Сангушко возвращается в замок Константина Острожского, который добивается от своего безвольного монарха отмены декрета и выдачи племянницы законному супругу. Княгиня Беата, не получив от дочери добровольного согласия на смену конфессиональной принадлежности, с помощью своего духовника готовит насильственный постриг дочери в иезуитском монастыре. Имея с собой королевскую грамоту, князь Константин освобождает Гальшку, с радостью встречающуюся с «воскресшим» супругом.

На этом событии заканчивается изложение истории. После финальной сцены следует послесловие, в котором писатель кратко повествует о судьбе православной церкви в западнорусском крае.

Большую популярность соловьевского произведения можно объяснить тем, что, во-первых (как видно из нашего краткого изложения), автору удалось создать напряженный и динамичный сюжет, полный неожиданных поворотов; во-вторых, в этом произведении традиционная для романистики тема любви подается с иных

по сравнению со сложившейся традицией, весьма нетипичных позиций.

Борьба за свою любовь к жениху, а затем супругу для Елены Ильиничны Острожской становится духовным подвигом во имя веры, ради которой она отрекается от многого. Героиня романа согласна ради верности православной церкви окончательно порвать с матерью. Вс. Соловьев писал: «Когда-то она горячо любила свою мать, она хорошо понимала свои обязанности перед нею, но тот, кто убил ее мужа, кто вытягивал ее душу, заставляя отказаться от веры, в которой она была воспитана... Боже, прости ее, но она не может считать княгиню своей матерью!» [3, с. 231].

Чтобы быть честной перед Богом и собственной совестью, княжна Гальшка готова претерпеть не только изменения в своем социальном статусе, но и перенести откровенный позор и изгнание. Утешением для нее за те два года, что она прожила в доме своей матери *de facto* на положении арестантки, для нее были не только молитвы, но и воспоминания о князе Дмитрие Сангушко, в гибель которого ее сердце отказывалось верить. Гальшке пришлось пройти через ряд нравственных тяжелейших испытаний, которые она перенесла с достоинством и честью.

Вс. Соловьев, описывая это время, отмечал: «... жизнь Гальшки была разбита, и еще удивительно, как она выносит свои страдания. Он (отец Антонио, иезуит) имеет возможность ежедневно видеться с нею, говорить без помехи. Не только слабая, измученная и запуганная женщина, а и всякий сильный человек давно подчинился бы влиянию и был бы в руках его. Но ничего он не мог сделать с княжной. Всякое оружие ломается о ее неприступность. И чем тяжелее ее жизнь, чем ужаснее обстоятельства, чем невыносимее испытания, тем крепче и непоколебимее ее Православие» [3, с. 221].

Именно в смиренном перенесении тяжелых испытаний, выпавших на ее долю, Гальшка воплощает свое служение Христу. Через подвиг страдания за веру она обретает истинную христианскую свободу. Испытание на верность православию для героини связано с проверкой на прочность ее любви к своему супругу. Княжна Острожская черпает силы в преданной вере к Богу для сохранения любви; и в любви – для сохранения веры через молитвы Христу. Романист так описывает ее духовное состояние в те мрачные дни: «Она знала только одно – что никому и ни за что в мире она не отдаст своей веры, своего Православия и своей горькой, священной памяти о погибшем муже» [3, с. 146].

Традиционная для христианской духовности триада «вера, надежда, любовь» получает в романе своеобразную оформленность. Писатель показал, что духовный подвиг не всегда связан с суровой аскезой, он может реализовываться и в условиях повседневности, не нашедшей отражения на страницах исторических хроник.

В финале писатель излагает историю жизни князей Острожских и кратко упоминает о возвращении народа Полесья в лоно православной церкви. Здесь, упоминая об общем ходе истории западнорусских земель, Вс. Соловьев следует широко известным фактам, изложенным в исследованиях его отца и многотомной «Истории Русской Церкви» митрополита Московского Макария (Булгакова). Хотя главные герои романа: князь Дмитрий Сангушко и его супруга, княгиня Елена Острожская-Сангушко – являлись реальными историческими лицами, их драма носила частный характер и не нашла своего отражения в вышеназванных сочинениях по истории.

По замечанию А.И. Измайлова, критика и первого биографа Вс. Соловьева, к работе над произведением писателя привлекли две главные страсти – к истории и литературе. Его властно притягивало «красивое в страдании, в нем жил неисправимый эстетик» [5, с. 137]. Измайлов считал, что именно эстетический фактор привлек внимание начинающего писателя к истории княжны Елизаветы Острожской и ради этого Всеволод Сергеевич использовал анахронизмы. Не случайно в послесловии к своему первому роману Соловьев отмечал, что «...история красавицы Гальшки в том виде, как она здесь изложена, передается из рода в род в далеких уголках Полесья...» [3, с. 245].

Таким замечанием автор указал на необычайную популярность народных повествований о княжне Острожской. Однако в том же послесловии содержится намек на то, что самому писателю были известны подлинные факты из биографий князя и княгини Сангушко, но по определенным причинам он не желал их раскрывать своим читателям: «Имя княжны Гальшки до сих пор не забыто в юго-западном крае. Ее красота и необычайные приключения вызвали целый ряд народных рассказов. Существуют свидетельства, судя по которым, окончание ее приключений было печальным. Но народ не любит печальных окончаний. Он верит, что после тяжких бедствий приходит счастье. Он воскрешает своих героев и наделяет светлой долей» [3, с. 245]. Принимая во внимание такие обстоятельства, проведем сопоставление событий, изложенных в романе, с историческими фактами.

Согласно материалам историков, возлюбленный княжны Елены Ильиничны Острожской князь Дмитрий Федорович (у Вс. Соловьева – Андреевич) староста Житомирский, Черкасский и Каневский в сентябре 1553 г. (в романе – в июле, накануне дня Ивана Купалы) женился на дочери и наследнице умершего князя Ильи Острожского, княжне Гальшке. Венчание состоялось вопреки воле матери невесты, которая, обвинив князя Дмитрия перед королем, добилась для нежеланного зятя смертного приговора [4, с. 87]. При попытке бежать за границу он был убит преследователями [6, с. 18–22].

Более подробно о трагических обстоятельствах жизни княжны Острожской мы узнаем из «Писем к графине А.Д. Блудовой...» известного украинского историка XIX века, Михаила Александровича Максимовича. Он проанализировал просветительскую деятельность князя Константина. Княжну Гальшку назвал «известной по своей злополучной, трагической судьбе» [6, с. 19].

Михаил Максимович считал, что трагические обстоятельства ее жизни стали возможными ввиду деятельности враждебных ей лиц: «... и кто же из них виновнее [в ее несчастьях]? – Своенравная ли Беата, которой хотелось подольше владеть наследством своей дочери? Молодой ли князь Константин Константинович, который помог Дмитрию Сангушко обвенчаться со своей юной племянницей, чтобы и ее, и Острожское владение поскорее вырвать из рук ненавистной ляховицы?... Нашелся и другой угодник, Мартын Зборовский, который настиг убежавшую чету уже не в своей, а в чешской земле, и не остановился умертвить Сангушко в 1554 году и, вместе с его головою, доставить алчной Беате ее овдовевшую дочь?» [6, с. 20].

Итак, по документальной хронологии произведения события, согласно соловьевскому описанию имевшие место в замке магната Острожского, а затем в виленском монастыре, следует отнести к 1555–1557 годам.

Но здесь мы вновь встречаемся с анахронизмом. В начале второй части романа Вс. Соловьев писал, что «осенью 1569 года, они (жители Вильно) встревожились слухом о том, что в город должны въехать отцы-иезуиты. <...> Действительно, епископ виленский, **Валериан Проташкевич-Сушковский**, просил прислать ему надежных помощников в деле распространения и утверждения шатающегося католицизма» [3, с. 199].

Как мы уже отмечали выше, действие романа происходит во времена царствования последнего короля ягеллонской династии Сигиз-

мунда-Августа, управлявшего Речью Посполитой с 1548 по 1572 год, а виленские события, связанные со строительством монастыря св. Иоанна, приписаны Соловьевым эпохе этого монарха, в то время как они произошли в период междуцарствия и при власти его зятя, короля Стефана Батория (1576–1586). Следовательно, неточность прозаика увеличивается еще на целое десятилетие. По-видимому, при описании иезуитского монастыря романист пользовался более поздними источниками и искусственно перенес реальность 1570–80-х годов в 1553–1557 годы. Таким образом, писатель допустил значительное количество анахронизмов, искусственно соединив на едином временном отрезке (около 3-х лет) события как середины второй половины, так и конца XVI столетия.

Создавая роман, Вс. Соловьев как художник не стремился к воспроизведению в точности всех деталей исторических событий, т.к. он писал не биографию княгини Острожской-Сангушко, а художественное произведение, в котором желал показать пагубное влияние религиозного фанатизма на человеческие судьбы.

Для дальнейшего раскрытия темы нам необходимо продолжить сопоставление романских событий и исторических фактов. Следующим аспектом, на который нам хотелось бы обратить внимание, является сама возможность пострига Елены Острожской. Во-первых, Римско-католическая церковь в средние века, опираясь на античные кодексы законов, детально разработала свои юридические нормы (особенно это касалось клира – священников и монахов). По сложившей традиции монахи-католики обычно принадлежат к какой-либо конгреции или ордену (и соответственно к его мужской или женской ветви), причем переход из ордена в орден затруднен. Иезуиты с момента своего основания не имели и по сей день не имеют в отличие от иных монашеских объединений (бенедиктинов, францисканцев, доминиканцев, салезианцев и т.д.) женской конгрегации. Во-вторых, княжна Елена официально не приняла католичество, и ввиду этого обряд пострижения был невозможен. В-третьих, она, как племянница короля и представительница магнатской фамилии, вряд ли могла быть насильно подвергнута церковному посвящению; тем более что сам монарх в нем не был заинтересован, ибо княжна не обладала правами на краковский престол.

Как известно, орден иезуитов был официально зарегистрирован папой Павлом Третьим в 1540 году. Одной из целей его создания стало желание римского престола более активно противодействовать распространению в католиче-

ских странах еретических учений, а также охрана прав и привилегий Ватиканской курии. Лишь в 1569 (через 12–15 лет после описанных Соловьевым событий). Они появились в Литве по приглашению «виленского епископа **Валерияна Протасевича**» [7, с. 94] и в следующем году по приказу короля Сигизмунда Второго Августа иезуиты «...основали свой первый коллегийум, который просуществовал до 1773» [8, с. 71], когда деятельность иезуитов была временно приостановлена. Коллегийум располагался при монастыре св. Иоанна. По описанию В.С. Соловьева, это был целый комплекс зданий с кельями для монахов и учащихся, огромным собором, учебными классами, внутренними каплицами и мрачным подземельем с разветвленной системой секретных ходов и выходов. Вполне понятно, что на сооружение такого архитектурного ансамбля потребовалось (в условиях XVI века) значительное время. Следовательно, анахронизм прозаика возрастает еще примерно на целое десятилетие. По-видимому, при описании иезуитского монастыря романист пользовался более поздними источниками и искусственно перенес реальность 1570–80-х годов в 1553–57 годы.

Всеволод Соловьев, воссоздавая в романе этот эпизод, скорее всего, руководствовался своим неприятием римо-католицизма, чем желанием достоверно воссоздать историческую эпоху. А привлечение иезуитов (чье наименование в обыденной речи сделалось одиозным) в качестве ведущих отрицательных героев лишь способствовало усилению отрицательной характеристики всей западной церкви в произведении.

Однако, несмотря на то, что события, ставшие основой для финала романа, не соответствуют истине, писателю удалось создать оригинальное художественное произведение о любви и стойкости духа. В исторических источниках мы находим иное описание судеб князей Острожских и Сангушко.

М.А. Максимович писал, что после трагического вдовства Елены Острожской король Сигизмунд II Август насильно выдал ее «<...> за нелюбимого ею поляка Гурку, несмотря на уже отчаянное сопротивление Беаты <...> Бедная Эльжбета! Позже она явилась уже безумная к дяде своему в Острог, где и скончалась» [6, с. 20].

А во второй части романа мы находим следующее упоминание о перспективах замужества Елены Ильиничны Острожской-Сангушко: «Больше всех ее мучают и преследуют два <...> неизменных ухаживателя: граф Гурко и князь Слуцкий <...> добрый простой малый. Гальшка

ничего не имела бы против него как родственника <...> но он страстно влюблен в нее» [3, с. 145]. В своем кратком повествовании о судьбе княжны Елены Михаил Максимович писал о родстве князей Олельковичей-Слуцких и Острожских.

События из жизни сыновей князя Константина романист излагает так: «<...> Но не было для него [князя Константина] пушного горя, как видеть своих сыновей католиками <...> Семья, посеянное иезуитом, созрело в душе их, и еще в ранней молодости оба они тайно перешли в католичество. <...> Из трех детей князя Константина только младший, Александр, остался верен Православию. <...> Два его [Александра] сына умерли в молодых летах. И с ними прекратилась мужская линия князей Острожских» [3, с. 246]. Сведения Михаила Максимовича не противоречат данному сообщению. Он цитирует подлинное письмо князя Константина, в котором тот хвалит своего сына Александра за верность православию [6, с. 45–46].

Из иных источников известно: «Дети и внуки князя Константина Острожского оказались под влиянием его жены – фанатичной католички Софии Тарновской, которая, в свою очередь, уже в старческом возрасте была послушным орудием в руках Ордена Иисуса, в частности, одного из инициаторов унии – иезуита Бенедикта Гербеста» [9, с. 161].

Эти сведения для нашего исследования представляют особый интерес. Во-первых, здесь речь идет о событиях не середины, а конца XVI века, когда после Брестского собора 1596 г. Уния стала свершившимся фактом, вследствие чего анахронизм писателя увеличивается не на 15–20 лет (как в случае с иезуитской обителью в Вильно), а на целых полвека. Во-вторых, в образе Беаты Андреевны Острожской были искусственно контаминированы писателем черты двух княгинь из этого рода, реальной Беаты Сигизмундовны, прославившейся вздорным и склочным характером, рано овдовевшей и вторично вышедшей замуж, матери исторической княжны Елены, и княгини Софии, супруги ясновельможного Константина. Мы можем предполагать, что образ страстного и хитрого иезуита о. Антонио имел своего прототипа, не итальянца, как в романе, а, по-видимому, выходца либо из западных областей Речи Посполитой, либо из одного из немецких княжеств.

Такое сопоставление, сделанное путем привлечения данных современного историка, опиравшегося на труды своих предшественников XVII–XIX вв. и документы XVI века, позволяет нам еще раз «уличить» Всеволода Соловьева в

вольном использовании исторических материалов.

В первой части произведения мы читаем: «Кардинал Каммендоне отлично обделал дело. Он подговорил известного **Станислава Чарнковского**, и тот в первом же собрании сената сказал пламенную речь, где в самом ужасном виде выставил поступок Сангушко. Сенат немедленно издал декрет Captivaticiones» [3, с. 98]. В исследовании Максимовича мы встречаем следующее упоминание о данном событии: король осудил «Дмитрия Сангушко на изгнание, придерживаясь гнусного обвинения, сочиненного на заказ **Станиславом Чарнковским**» [6, с. 20] (выделено мною. – *Е.Н.*). В другом месте романа Вс. Соловьёв отмечал: «Для управления коллегиумом приехал **Станислав Варшевицкий**, человек замечательный по уму, энергии и учености» [3, с. 109–110]. Этот факт также имеет документальное подтверждение. По словам историка К.Е. Дмитрука, «особенно славилась иезуитская коллегия в Вильно, которую возглавлял красноречивый проповедник **Станислав Варшевицкий**» [9, с. 78].

В начале второй части романа Вс. Соловьёв писал, что в «середине 60-х годов XVI века <...> народ в огромном количестве погибал от ужасной болезни. В городе царило всеобщее уныние и паника. <...> Дошло до того, что некому было совершать богослужения, отпевать и хоронить мертвых. Одни только иезуиты были все налицо. Они ходили по улицам с крестом, Евангелием и Святыми дарами, входили в дома, лечили и утешали больных, помогали бедным, исповедовали и приобщали. <...> Немало православных людей <...> перешли в католицизм» [3, с. 109–110].

И эти факты документальны, однако мы вновь встречаемся с анахронизмом. Привлекая материалы истории XVIII–XIX столетий, современный исследователь пишет, что в **1588–1589** годах в Вильно вспыхнула повальная чума, и духовная и светская верхушка сбежала из Вильно, иезуиты продолжали совершать церковные службы, посещали и утешали больных, ухаживали за умирающими, «не упуская возможности обращать «схизматиков» и «еретиков» в католическую веру. Все это, разумеется, не могло не оказать соответствующего воздействия на широкие слои верующих, в том числе православных» [9, с. 78].

Обобщая всё вышеизложенное, отметим, что в «Княжне Острожской» с фактологической точки зрения наличествуют явные и глубокие анахронизмы, что проявилось, в частности, в том, что в описание событий, происходивших в

середине XVI века, Вс. Соловьёв сознательно внес сведения из последующего исторического периода (строительство монастыря в Вильно и деятельность иезуитов в **70-х годах XVI** века; эпидемия чумы в **1580-х** годах; деятельность княгини Софии Острожской в **конце XVI** столетия). В своем первом произведении писатель не желал описывать трагические обстоятельства, и поэтому горечь поражения, известная историкам, под его пером уступила место триумфу и победе. Итак, создавая красивую легенду о любви героев друг к другу и верности Богу, писатель осознавал, что искажает факты. Однако он считал своим долгом уведомить читателя, что тот имеет дело не с реальностью, а с обработанным художественно фольклорным преданием.

Однако следование народному сказанию⁵, как показало наше сопоставление с материалами историков, способствовало отходу от подлинных фактов, безусловно известных писателю (судя по упоминаниям в тексте второстепенных и малоизвестных исторических личностей). Можно предположить, что, искажая подлинные сведения о князях Острожских и Сангушко, находящиеся в малороссийских и польских хрониках, романист желал создать в своем произведении занимательную интригу. Как явствует из приведенного нами выше краткого изложения, ему это удалось, и роман принес ему известность и популярность. В основном благодаря удачно выстроенной интриге. Обращаясь к сопоставлению событийного ряда произведения и хронологии реальных исторических событий, можно предположить, что следование подлинной фактуре не могло позволить начинающему литератору создать сложную и запутанную интригу, для этого ему потребовалось искусственно совместить на одном хронологическом отрезке события разных десятилетий XVI столетия. Второй причиной, которая, по нашему предположению, могла побудить Всеволода Соловьёва к искажению документального материала, было его желание внести в произведение антикатолические мотивы. В последующем творчестве Всеволод Соловьёв отошел от злоупотребления историческими неточностями и анахронизмами, в его более поздних романах гармонично сочетались историческая правда и художественность.

Примечания

1. После публикации «Княжны Острожской» тираж «Нивы» и число подписчиков журнала значительно возросли. Косвенно о популярности этого произведения свидетельствует такой факт: в 1884

году малоизвестный беллетрист К. Воронецкий выпустил свое произведение на сюжет этого романа под названием «Из-под венца да в монастырь» (данная книга хранится в фондах Российской государственной библиотеки. Ее библиографическое описание содержит аннотацию: «Переделка повести Вс. Соловьёва «Княжна Острожская»).

2. Современник Вс. Соловьёва Генрик Сенкевич, размышляя об общих свойствах исторической прозы, уверял: существовал ли в действительности тот или иной персонаж, «для искусства не имеет большого значения. Речь идет прежде всего и только о том, чтобы эти частные случаи были логически согласованы с колоритом и настроением данной эпохи. Чтобы они не противоречили историческим событиям и не оказывали на них преобладающего влияния, а, скорее, производили впечатление отдельных реальных полосок, из которых <...> соткана материя тогдашней жизни» [10, с. 235]. От этих условий, по мнению польского писателя, зависят вероятность и правдоподобность, которые в любом романе – историческом и неисторическом – являются главной вещью, решительно более важной, чем аутентичность описываемых явлений.

3. Под интригой традиционно понимается «сложная совокупность острых сюжетных ходов, нарушающих логически обоснованное, мерное течение действия. В зависимости от жанра, это могут быть неожиданные события, необычайные ситуации, новые таинственные персонажи, которые круто меняют судьбы героев, ... определенные мотивы поведения одного из персонажей» [11, с. 310]. Здесь интрига рассматривается в качестве ведущего элемента жанра любовного и авантюрного романа.

4. В источниках, по-видимому, не сохранилось точных данных о том, какое имя княжна Острожская получила при крещении. Максимович называет ее Елизавета (или на польский манер – Эльжбета); Вс. С. Соловьёв именует ее Еленой или Геленой. Можно

предположить, что имя Гальшка являлось одновременно сокращением польских имен Гелена и Эльжбета, что и вызвало разночтение.

5. По наблюдению автора этих строк, предания о Константине Острожском и в наши дни, в начале XXI века, бытуют среди городского и сельского населения Западной Украины.

Список литературы

1. Соловьёв Вс. Вольтерьянец. М.: Эксмо, 1994. 420 с.
2. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв, жизнь и творческая эволюция. М.: Русский путь, 1997. 370 с.
3. Соловьёв Вс.С. Княжна Острожская. М.: Эксмо, 1994. 380 с.
4. Думин С.В. Князя Сангушко // Дворянские роды Российской империи. Т. 2. СПб.: Ликом-Инвест, 1995. 370 с.
5. Измайлов А.И. Всеволод Соловьёв. Очерк жизни и творчества // Вс. Соловьёв. Полн. собр. соч. Т. 40. СПб.: Издательство А.Ф. Маркса, 1904. С. 120–145.
6. Максимович М.А. Письма графине Анне Давыдовне Блудовой о князьях Острожских. Киев, 1848. 65 с.
7. Зноско К. Исторический очерк церковной унии. Варшава, 1933. 210 с.
8. Kolegium jezuitow w Wilnie // Rycerz Niepokolanej № 2. Rzym-Warszawa, 1996. 129 с.
9. Дмиртрук К.Е. Униатские крестоносцы. М.: Политиздат, 1998. 365 с.
10. Sienkiewicz H. Dzieła. Wydanie zbiorowe pod red. J. Krzyzanowskiego. T. I–XV. 1951. Warszawa. 1948–1955. T. XLV. 1951. 380 с.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак» (РАН. Институт научной информации по общественным наукам), 2001. 800 с.

VSEVOLOD SOLOVYOV'S NOVEL «THE PRINCESS OSTROZHSKAYA»: CORRELATION OF HISTORIC FACTS AND FICTION

E.V. Nikolsky

Vsevolod Solovyov's (1849-1903) little-known novel «The Princess Ostrozhskaya» is considered, correlation of the documentary material and historical fiction is analyzed, the author's liberal treatment of historical materials is revealed.

Keywords: historical novel, truth and fiction, sixteenth century, princes Ostrozhsky, Western Russia, Poland, Orthodoxy, Catholicism, artistic intrigue, adventure novel.